

ПОСТИМПЕРСКИЙ ДИСКУРС ВЛАСТИ

УДК 94(410) + 581 + 930

Ю. С. Шипицына
*Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия*

ИМПЕРСКАЯ БОТАНИКА: СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ НАУКИ И ВЛАСТИ В XVIII В.¹

В статье представлен обзор современной историографии вопроса о взаимном влиянии ботаники и имперских властных институтов в XVIII в. На основе различных теоретических подходов раскрывается содержание понятия «имперская ботаника». Особое внимание уделено теоретическому наследию французского социолога Бруно Латура.

Ключевые слова: имперская ботаника, естественная история, ботанический сад, история науки, Бруно Латур.

В последние несколько десятилетий история взаимодействия науки и власти вызывает непреходящий интерес научного сообщества [Писарев, Гавриленко, с. 2]. Бурное развитие ботаники в условиях расширения могущества империй XVIII в. стало предметом исследования многих историков науки. Многообразие локусов изучения данной темы и их взаимное пересечение в контексте междисциплинарных исследований побудило ученых к объединению усилий, которое нашло свое отражение на страницах нескольких тематических сборников и монографий. Так, в 2003 г. по итогам выставки «Чучела птиц, гербарии и стандартизированное знание: естественная история в Северной Америке, 1730–1860» вышел ряд публикаций в одноименном разделе Transactions of the American Philosophical Society [Stuffing Birds, Pressing Plants, Shaping Knowledge Natural History in North

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00186 «“Культура духа” vs “Культура разума”: интеллектуалы и власть в Британии и России в эпоху Перемен (XVII–XVIII вв.)»).

America, 1730–1860]. В 2012 г. под заголовком «Перемещенные природные объекты. Науки в пространстве “между”» вышел специальный выпуск *Journal of History of Science and Technology*, посвященный теориям и практикам распространения естественнонаучных образцов и формирования коллекций в XVIII–XIX вв. [Moved Natural Objects. Spaces in Between]. А пять лет спустя коллективом исследовательского центра «Думбартон Окс» в Вашингтоне был подготовлен сборник статей под названием «Имперская ботаника в долгом XVIII веке» [The Botany of Empire in the Long Eighteenth Century].

Во введении к «Имперской ботанике...» Йота Батсаки, Сара Кэхалан и Анатолий Чикин, характеризуя этап развития ботаники с конца XVII до начала XIX в., вводят понятие «имперская ботаника» (the botany of empire), подчеркивая, что «хотя ботаническое знание было широко распространено уже по меньшей мере с XVI в. (когда оно, по большей части, было включено в медицинское знание), только лишь в XVIII в. оно охватило весь населенный мир, поскольку главными игроками на поле ботанических изысканий стали ведущие колониальные державы» [Batsaky, Cahalan, Chikin, p. 4].

Когда отдельные элементы, типичные практики и ключевых деятелей имперской ботаники рассматривают внутри исторического контекста, понятие «империя» подчас выступает удобной и, как может показаться, исчерпывающей категорией для анализа. В то же время значения и смыслы империи многочисленны и различны и охватывают как политические инструменты, так и подчиненные им людские ресурсы. Многообразие и сложность трактовок «империи» и невозможность полностью осветить их в рамках данной статьи побуждают нас обратиться к противоположной тенденции, когда «империя» используется и для характеристики современной системы функционирования государств и международных отношений, и проследить, каким образом сторонники такого подхода проводят границу между современной империей и империей восемнадцатого столетия. Например, Майкл Хардт и Антонио Негри, говоря об империях XVIII в., отмечают, что это были империи национальных государств, основанные на распространении суверенитета за пределы их границ посредством колониальной политики и экономической экспансии. Авторы подчеркивают, что империи XVIII в. отличает наличие территориального центра власти и опора на «жестко закрепленные границы или преграды» [Хардт, Негри, с. 12].

Имперская ботаника – это феномен становления ботаники как науки не «на фоне» империи, не «благодаря» ей и тем более не «вопреки»,

но – внутри границ имперского дискурса. Это феномен функционирования ботаники как науки, которая пользуется поддержкой политических институтов и участвует в экономической экспансии на благо суверенитета национальных государств при помощи распространения этого суверенитета за пределы центра.

Опираясь на идею «мыслительных центров» Бруно Латура [Latour], Дэвид Миллер и Питер Рейл в своей работе «Видения (образы) империи: путешествия, ботаника и способы репрезентации природы» (1996) показывают, как многие события XVIII столетия были подчинены интенсивному процессу освоения природных ресурсов с целью их дальнейшего изучения [Miller, Reill]. В центре внимания авторов оказываются не только такие хрестоматийные сюжеты истории ботаники, как длительная академическая карьера Джозефа Бэнкса (1723–1820), президента Лондонского королевского общества и блестящего координатора охотников за растениями, разосланных с экспедициями по всему земному шару, и значение разработанной шведским ботаником Карлом Линнеем и изложенной в *Systema nature* (1735) таксономии для стандартизации и продвижения глобального обмена знаниями, но и изобретение новых техник визуализации и транспортировки, которые увеличили разрыв между имперскими центрами и их ресурсными базами [Miller, Reill]. Лонда Шибингер и Клаудия Свон в монографии «Колониальная ботаника: наука, торговля и политика в мире в раннее Новое время» (2007) подчеркивают роль ботаники внутри политического и научного контекстов естественной истории, доказывая, что «развитие ботаники и европейской торговой и территориальной экспансии были двумя взаимно зависимыми процессами» [Schiebinger, Swan, p. 3]. С позиции истории искусств в книге Терезы О’Мэлли и Эми Мэйерс «Искусство естественной истории: иллюстрированные трактаты и ботанические рисунки, 1400–1850» (2008) исследуется пересечение эстетических и научных ценностей в визуализации знания [O’Malley, Meyers]. Труд Даниэлы Блэйхмар «Видимая империя: ботанические экспедиции и визуальная культура в испанском просвещении» (2012) акцентирует внимание на роли ботанической иллюстрации в легитимации и распространении сложно переплетенных научных и империалистических интересов испанских экспедиций XVIII в. [Bleichmar]. В современном гуманитарном знании ботаническая наука предстает безусловно причастной к колониальным захватам XVIII в. сродни тому, как академическая география и картография рассматриваются в качестве инструментов имперской экспансии XIX в. [Иванов, с. 27].

Корни имперской ботаники как глобального явления уходят в 1670-е гг. и связаны с появлением рабовладельческих сахарных плантаций на Карибских островах и в Южной Африке, которые из-за политики Голландского Суринама порицаются Вольтером в «Кандиде» (1759) за невыносимые условия труда. Одновременно с этим Франция приступила к реализации проекта колониальной науки, центрами которой становятся Королевская академия наук в Париже и Сад специй на Сейшельских островах. Британия в период с 1770 по 1820 гг. формально принимает на службу 126 собирателей-коллекционеров, которых рассылает по всему земному шару с целью накопления ботанических артефактов в Королевских ботанических садах Кью, при этом неформальная сеть поставщиков и перевозчиков, оказывающих услуги британским «плант-хантерам» была еще масштабнее [Batsaky, Cahalan, Chikin, p. 4].

На протяжении всего XVIII в. конкуренция между этими государствами разыгрывалась на поле колониальных плантаций Карибских островов в сфере работорговли, без которой производство сахара было бы невозможным. Отдаленные территории оказывались подчинены экономике метрополии, выступая в роли поставщика сырьевых ресурсов и, насколько это возможно, площадок для пересадки и выращивания иных высокодоходных агрокультур. С лечебными свойствами таких востребованных растений, как, например, хинное дерево, связывались надежды на облегчение европейской колонизации тропических регионов. Несмотря на популярность других единиц «ботанического» импорта, таких как чай или женьшень, их употребление по-прежнему оставалось роскошью, а добыча — истощавшим государственную казну предприятием, что побуждало к поискам растений-аналогов, которые дешевле было вырастить в колониях [Batsaky, Cahalan, Chikin, p. 4].

Такие поиски и опыты по выращиванию, селекции и акклиматизации растений проводились в ботанических садах, которые выступали в качестве научных лабораторий и пунктов аккумуляции и обмена семенами и рассадой, гербарными образцами и ботаническими иллюстрациями, а также знаниями о представителях местной и экзотической флоры в целом. Так, имперская сеть ботанических садов в Индии работала на поддержание плантационной экономики как временное хранилище на долгом и трудном пути транспортировки китайского чая. Кроме того, ботанические сады случайно оказались вовлечены в кампанию по подрыву конкурирующих монополий: здесь можно вспомнить британский и французский проекты по выращи-

нию гвоздики за пределами Молуккских островов, подконтрольных Нидерландам [Casid, p. 10]. Частные ботанические сады также были вовлечены в этот процесс обмена опытом. Один из ярких примеров – ботанический сад Григория Демидова в Соликамске, в котором были представлены образцы растений из коллекций Карла Линнея, Георга Стеллера, Иоганна Гмелина и Степана Крашенинникова. Впоследствии Демидов передал образцы гербария в Петербургскую академию наук [Баньковский, с. 28].

Внутри системы имперской конкуренции научные, экономические и политические инициативы были тесно переплетены. В значительной степени все возрастающий оборот поставок растений и его коммерческая составляющая были обусловлены расширением сети административных структур и улучшением технологий транспортировки. В XVIII в. появляются труды, посвященные практическим рекомендациям по транспортировке и хранению ботанических образцов. Самый известный пример – рекомендации Джона Эллиса по осуществлению длительных морских перевозок наиболее восприимчивых к перемене климата растений [Ellis]. Эллис был по-настоящему увлечен экономическим потенциалом ботаники: заключительным разделом его «Указаний...» стал «Каталог заморских растений, востребованных в наших американских колониях, для целей медицины, сельского хозяйства и торговли [Ibid., p. 22–33].

Рост многообразия ботанических образцов также актуализировал задачу постижения эмпирического материала и стимулировал новые открытия в области знаний, посвященной системе классификации. Самым известным и значимым таким открытием стала таксономия Карла Линнея. Благодаря биномиальной системе классификации сложился единый научный дискурс, а новый *lingua franca* в сфере науки, в свою очередь, лишь усилил интерес к растениям: ажиотаж вокруг ботаники к концу XVIII в. охватил почти весь земной шар. И снова мы видим, как ключевые фигуры ботанической науки оказывались также вовлечены в коммерческие проекты. Так, Джозеф Бэнкс являлся президентом Лондонского королевского общества и одновременно – членом Тайного совета по торговле. Будучи директором ботанических садов Кью, он стал наставником многим молодым ботаникам, снаряжая их в заморские экспедиции с целью поиска новых растений [Faga, p. 134]. Линней, за кем сегодня закреплён статус «отца современной таксономии», помимо прочего, являлся практикующим терапевтом, а также автором амбициозных проектов по выращиванию в Швеции чая и шелка, которые могли бы способствовать сокращению государ-

ственных расходов на импорт этих товаров [Batsaky, Cahalan, Chikin, p. 7, 9].

Открытия новых растений происходили одновременно с трансформацией ценностей: торговля опиумом и сахаром, предметами китайской экзотики (например, элегантными чайными столиками) стала символом такой экономической деятельности, которая обещала не только высокий доход, но и высокий социальный статус; идеология прогресса, поощряла конкуренцию и побуждала к активной деятельности на политическом поприще [Ibid., p. 9]. В один ряд с политикой и коммерцией как сферами реализации карьерных амбиций становится наука: публикации в научных журналах, членство в научных обществах, возможность культивации экзотического растения в новом климате в рамках государственного или частного ботанического сада также формирует престижную профессиональную и социальную идентичность. Но даже тогда, когда ботаника уже прочно была ассоциирована с экономической прибылью и имперскими проектами, популярной стратегией ботанического нарратива по-прежнему оставалась трансляция романтического флера вокруг новых открытий, сулящих приключения и таящих интригу, а также идеала научной и эстетической беспристрастности.

По мнению Жана Батиста Фузе-Обле, исследователя Французской Гвианы, ученый-ботаник был путешественником, отправлявшимся в колонии не только из бескорыстных побуждений. «Кто, находясь в здравом уме, – восклицает Обле, – способен храбро отправиться навстречу опасностям, таящимися в джунглях: змеям, капканам, беглым рабам, насекомым и невыносимому климату, – ради лишь призрачной возможности открытия» [Fuse Aublet]. Действительно, ботаника сформировала совершенно особенный тип личности натуралиста: руководствующегося в своих поступках строгой рациональностью, но в то же время решительностью, энтузиазмом, готовностью к авантюрам, утонченностью и изысканностью, созвучным окружающей его природе. Фузе-Обле, отправивший собранный им гербарий Жан-Жаку Руссо, создал романтический портрет ботаника в полевых исследованиях, созвучный прославлениям Александра фон Гумбольдта величий экваториальных районов Африки. Для Гумбольдта растения напоминали руины исторических построек в их способности вызывать к жизни прошлое, и он с грустью признавался в «историчности» своих столкновений с заморской флорой. Однажды в садах Чапультепека он увидел кипарисы, предположительно, посаженные еще династией ацтеков, а посреди леса на окраинах Рио Седено обнаружил давно заброшен-

ные сады с апельсиновыми деревьями, чьи предки были привезены из-за моря Колумбом [Humboldt]. Рассказы Фузе-Обле и Гумбольдта – великолепные примеры сочетания сентиментальности и склонности романтизировать действительность с прагматизмом и рационализмом человека эпохи Просвещения. Ученые не только фиксируют эстетическое воздействие пейзажей и растений на вдохновенных натуралистов, но также сообщают об этических контекстах ботаники. Оба натуралиста порицали привлечение рабского труда для обеспечения высокодоходного функционирования колониальных плантаций.

Еще одним потенциально продуктивным концептом для понимания феномена имперской ботаники, помимо погружения в значения и смыслы империи, является подход Бруно Латура, который рассматривает взаимоотношения между центром и периферией сквозь призму концепции «действия на расстоянии». По Латуру, действие на расстоянии становится возможным на практике благодаря формированию структур, которые отвечают за сбор и транспортировку «свидетельств» от периферии к центру в процессе все возрастающего «цикла накопления». Под свидетельствами понимаются любые значимые данные как в текстовой, так и в визуальной форме. А цикл накопления продолжается до тех пор, пока свидетельства успешно осваиваются центром, тем самым порождая знание/распознавание, доступное даже для тех путешественников, кто впервые отправился на окраины империи. Чем обширнее становится цикл накопления, тем крупнее масштаб структур, которые могут быть мобилизованы и использованы для будущих имперских амбиций центра, и тем сильнее властный дисбаланс между центром и периферией [Latour, p. 215–257].

Излюбленным примером действия на расстоянии Латура выступает картографическая экспедиция XVIII в. Жана Франсуа де Гало, графа Лаперуза, в процессе которой был нанесен на карту о. Сахалин². Однако эта концепция столь же успешно применима к ботанике: ведь именно «экспедиции, коллекции и исследования» оставались среди ведущих стратегий, позволявших центру успешно действовать на расстоянии [Ibid., p. 232]. В сфере ботаники цикл накопления хорошо прослеживается на примере ботанического сада – места, в рамках которого, как уже было сказано, осуществлялись коллекционирование, обмен, коммуникация и эксперимент. Латуровская концепция науки как процесса перемещения свидетельств от периферии к центру очень точно подходит для описания обилия практик в сфере ботанических исследований XVIII в., включая как происходящие на территории ко-

² Де Гало Жан Франсуа, граф Лаперуз (1741–1788) – французский мореплаватель, погибший во время кругосветной военно-морской экспедиции (1775–1778).

лоний сбор растений, письменное фиксирование наблюдений и выполнение художественных зарисовок, так и созданные на их основе уже в далекой метрополии гравюры и литографии, опубликованные книги, используемые для последующих экспедиций. Усовершенствованные технологии хранения и транспортировки растений, примеры которых можно найти у Эллиса, обеспечивали функционирование ботанических образцов в качестве стабильных, мобильных и взаимозаменяемых объектов, которые могли быть архивированы, проанализированы и обращены на пользу метрополии. В то же время распространение линнеевской таксономии существенно способствовало процессу научного сравнения и распознавания на больших расстояниях. Наконец, модель Латура, с ее акцентом на дисбалансе знания/власти между центром и периферией, в особенности хорошо применима к описанию колониальных имперских предприятий восемнадцатого столетия, внутри которых ботаника оказывается задействована повсеместно.

Также важно отметить, что имперская ботаника – это период расцвета такой модели описания мира, как естественная история (*natural history*). О специфике этого термина в эссе «История культуры как история духа или естественная история» рассуждает Михаил Ямпольский: «Особенность естественной истории (и ее отличие от описаний памятников) заключалась в том, что она обращена на объекты, по сути, не имеющие истории, как бы существующие вне времени. Объекты эти никак не укоренены в “дискурсивных практиках” и являются, так сказать, объектами чистой видимости, совокупностью поверхностей, форм и цвета. Соответственно, естественная история изначально мыслит не столько в темпоральных категориях, сколько в категориях больших картин, коллекций, в которых объекты разных эпох и разных стран помещены вместе, в некоем кристалле одновременности, отражающем принцип непрерывности природы» [Ямпольский]. Но, как справедливо замечает Сью Энн Принс: «“Естественная история” – любопытный термин. Не будучи ни “естественной”, ни “исторической”, это одновременно и концепция, и практика: концепция, которая до недавнего времени строилась на убеждении, что природа может быть разъединена и систематически уложена в большие стандартные схемы, и практика, которая включала в себя все: от чулел птиц и гербариев до исследования костных останков и создания иллюстраций. Но важнее всего понимать, что естественная история всегда основывается на вере в возможность постижения и покорения человеком природы» [Prince, p. 1].

Именно коллекции природных объектов являлись важнейшим инструментом влияния и символом могущества империй. В XVIII в. ботаника имела такое большое значение для функционирования механизмов имперской власти потому, что именно в то время она успешно овладела искусством коллекционирования, включавшим в себя навыки поиска, приобретения, перевозки, хранения, систематизации и демонстрации всех находок. Каждый из этих навыков в масштабе империи может быть представлен определенным сообществом заинтересованных в его развитии исторических личностей и способов коммуникации между ними, а вместе – это целая сеть людей, институтов, практик и артефактов. И потому подходы к изучению имперской ботаники столь многообразны и неординарны.

Баньковский Л. Ботанический сад Григория Демидова // Наука и жизнь. 2007. № 2. С. 24–31.

Хардт М., Негри А. Империя. М., 2004.

Писарев А., Гавриленко С. В поисках ускользающего объекта: наука и ее история // Логос. 2020. Т. 30. № 1. С. 1–28.

Ямпольский М. Б. История культуры как история духа и естественная история // Новое литературное обозрение. 2003. № 1. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2003/1/istoriya-kultury-kak-istoriya-duha-i-estestvennaya-istoriya.html> (дата обращения: 23.11.2020).

Batsaki Y., Cahalan S. B., Tchikine A. Introduction // The Botany of Empire in the Long Eighteenth Century. Cambr., 2017. P. 1–11.

Bleichmar D. Visible Empire: Botanical Expeditions and Visual Culture in the Hispanic Enlightenment. Chicago, 2012.

Casid J. H. Sowing Empire: Landscape and Colonization. Minneapolis, 2005.

Ellis Jh. Directions for Bringing over Seeds and Plants, from the East Indies and Other Distant Countries, in a State of Vegetation. L., 1770.

Fara P. Sex, Botany and Empire. The story of Carl Linney and Joseph Banks. Cambr., 2003.

Fuse Aublet J. B. Histoire des plantes de la Guiane Française. L., P., 1775.

Humboldt A., Bonpland A. Personal Narrative of Travels to the Equinoctial Regions of the New Continent, during the Years 1799–1804 / transl. Helen Maria Williams. L., 1814–1829.

Latour B. Science in Action: How to Follow Scientists and Engineers through Society. Cambr., 1987.

Miller D. Ph., Reill P. H. Visions of Empire: Voyages, Botany, and Representations of Nature. Cambr., 1996.

Moved Natural Objects. Spaces in Between // Journal of History of Science and Technology. Vol. 5. 2012.

O'Malley T., Meyers A. R. W. The Art of Natural History: Illustrated Treatises and Botanical Paintings, 1400–1850. Washington, 2008.

Prince S. A. Stuffing Birds, Pressing Plants, Shaping Knowledge Natural History in North America, 1730–1860 // Transactions of the American Philosophical Society, New Series. Vol. 93. No. 4. 2003. P. i–xviii. P. 1–113.

Schiebinger L., Swan C. Colonial Botany: Science, Commerce, and Politics in the Early Modern World. Philadelphia, 2007.

Sparry E. C. Utopia's Garden: French Natural History from Old Regime to Revolution. Chicago, 2000.

Stuffing Birds, Pressing Plants, Shaping Knowledge Natural History in North America, 1730–1860. Transactions of the American Philosophical Society, New Series. Vol. 93. No. 4. 2003. P. i–xviii. P. 1–113.

The Botany of Empire in the Long Eighteenth Century. Cambr., 2017.

Шипицына Юлия Сергеевна
лаборант-исследователь
Лаборатории эдичионной археографии
Уральский федеральный университет
620002 Екатеринбург, ул. Мира, 19
E-mail: Shipitsyna.phd@gmail.com

Yulia Shipitsyna
Laboratory Researcher,
Laboratory for Studying Primary Sources
Ural Federal University
19 Mira Str., 620002 Ekaterinburg, Russia
E-mail: Shipitsyna.phd@gmail.com

The Botany of Empire: Modern Approaches to Science and Power Research in the 18th Century

The article reviews modern historiography on the links between botany and empire in the 18th century. By the virtue of different theoretical approaches, the term of the botany of empire is defined. Special attention is given to the theoretical heritage of French sociologist Bruno Latour.

Keywords: botany of empire, natural history, botanic garden, history of science, Bruno Latour.